

ERUDITIO
MORES
FUTURUM

UNIVERZITA MATEJA BELA

Filologická fakulta
Katedra hungaristiky

Kontext – Filológia – Kultúra

Kontextus – Filológia – Kultúra

ESZTERHÁZY KÁROLY FŐISKOLA

Banská Bystrica – Eger
2006

Bölcsészettudományi Főiskolai Kar
Magyar Nyelvészeti Tanszék

UNIVERZITA MATEJA BELA

Filologická fakulta
Katedra hungaristiky

ESZTERHÁZY KÁROLY FŐISKOLA

Bölcsészettudományi Főiskolai Kar
Magyar Nyelvészeti Tanszék

Kontext – Filológia – Kultúra
Kontextus – Filológia – Kultúra

Štúdie – Tanulmányok

Banská Bystrica – Eger
2006

ISBN-10: 963-9417-60-2
ISBN-13: 978-963-9417-60-1

A kiadásért felelős
az Eszterházy Károly Főiskola rektora
Megjelent az EKF Líceum Kiadó gondozásában
Igazgató: Kis-Tóth Lajos
Felelős szerkesztő: Zimányi Árpád

Megjelent: 2006. november Példányszám: 130
Készítette: Diamond Digitális Nyomda, Eger
Ügyvezető: Hangácsi József

Redakčná rada – Szerkesztőbizottság

Predsedovia – Elnökök:

Prof. PhDr. František Alabán, CSc.

Dr. Zimányi Árpád, kandidátus, főiskolai tanár

Členovia – Tagok:

Dr. Varga Gyula, kandidátus, főiskolai tanár

Dr. Zoltán András, kandidátus, egyetemi docens

Dr. Simigné dr. Fenyő Sarolta, PhD., egyetemi docens

Dr. Czeglédi Csaba, kandidátus, főiskolai tanár

Recenzenti – Recenzensek:

Doc. PhDr. Zoltán Fonód, CSc.

Doc. PhDr. Peter Andruška, PhD.

Za odbornú a jazykovú úroveň príspevkov zodpovedajú autori.

A tanulmányok szakmai és nyelvi színvonaláért a szerzők felelnek.

© UMB Filologická fakulta, Katedra hungaristiky

Eszterházy Károly Főiskola Magyar Nyelvészeti Tanszéke

Medzinárodná vedecká konferencia

**Banská Bystrica
24. mája 2006**

Nemzetközi tudományos konferencia

**Besztercebánya
2006. május 24.**

Интерпретация художественной реальности «магических сил» света, звука и цвета в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и И. Кертеса «Обездоленность»

В художественной литературе XX века есть писатели первой величины, чьи произведения к моменту своего появления пользовались большей популярностью за границей, чем на родине. К этим звездам можно отнести русского писателя, философа Василия Гроссмана (1905–1964), автора «Жизни и судьбы» (1960) и представителя венгерской литературы, Имре Кертеса (1929–) с его известным романом «Обездоленность» (1975). Но следует отметить, что роман В. Гроссмана «Жизнь и судьба» для русских читателей стал впервые доступным только в 1988 году, когда был издан в Москве, а произведение И. Кертеса получило мировую славу и признание, даже в родной Венгрии, только после присвоения писателю в 2002 году Нобелевской премии по литературе.

Сегодня романы «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» привлекают внимание и вызывают интерес не только широкого круга читателей, но и критиков, исследователей, кинорежиссеров. Уже много написано о художественных достоинствах этих редчайших книг. Однако необходимо указать на тот факт, что критические статьи сосредотачиваются в большей мере на содержании, на философии авторов и мыслях героев, представляют толкования о мире, войне, жизни в исследуемых романах. Многие страницы романа «Жизнь и судьба» написаны «сухим, сдержанным пером, в нем нет ни пиршества красок, ни роскоши художественных решений» (Дедков 1988: 240). Эту особенность повествования мы замечаем и в романе «Обездоленность». Новизна данной работы состоит в том, чтобы обратить внимание читателей на роль, значение и смысл световых, звуковых, цве-

товых эффектов в образном воплощении авторских идей и замыслов посредством художественного, живого слова, которое «есть семя, прозябающее в душах; оно сулит тысячи цветов [...]» (Белый 1910: 433).

Читая роман «Жизнь и судьба», уже на первых страницах мы встречаемся с изображением немецкого лагеря в холодную зимнюю пору. В его описании нет ничего живого, здесь не упомянуты ни деревья, ни трава, ни звери, ни птицы. Обращая внимание читателей на эту картину, живым кажется только выпавший снег, образную роль которого описывает в своей работе А. Кузичева (Кузичева 1989: 5). Снег предвещает о приходе белого света утра нового дня: «К утру выпал снег, и не тая пролежал до полудня. Русские почувствовали радость и печаль. Россия дохнула в их сторону, бросила под бедные, измученные ноги материнский платок, побелила крыши бараков, и они издали выглядели домашними, по-деревенски» (Гроссман 1990: 10). Белый снег дышит, красит и стелит «материнский платок» под ноги русских заключенных и на миг их даже радует. Белый снег в романе Гроссмана становится пространственным образом, в котором таится некий источник восхищения и примирения. В. Гроссман, в виде снежного покрова, изображает и белый платок матери на могиле юного лейтенанта Толи. Белый снег прикрывает и тело мертвого летчика на снежном холме: «Всю ночь лежал мертвый летчик на снежном холме – был большой мороз, и звезды светили очень ярко. А на рассвете холм стал совершенно розовый, и летчик лежал на розовом холме. Потом подула поземка, и тело стало заносить снегом» (Гроссман 1990: 325). Тихим белым снегопадом заканчивается и рассказ о военной судьбе Сталинграда: «Снег заполнил воздушное пространство, остановил ветер, приглушил пальбу, соединил, смешал землю и небо в неясное, колышущееся мягкое и серое единство. [...] Это не снег, само время – мягкое, белое, ложилось (Гроссман 1990: 397). В исследуемых произведениях, белый цвет имеет своеобразный «утешительный» смысл (Постоутенко 1996: 158).

В романе «Обездоленность», воспринятый в «слепящем свете», «режущий глаза» белый цвет наполняет чувством «опрятности» и

первые обманчивые впечатления, полученные Дёрдем Кёвешем от увиденного в лагере смерти Аушвица и Бухенвальда. Молодого героя особенно радует «футбольное поле, [...], необходимые для игры белые ворота, наведенные белым линии – все было здесь манящее, [...], очень чисто и красиво (Кертес 2003: № 14-15). Его поразили «теряющаяся в бесконечности безукоризненно белая асфальтная дорога» (Кертес 2003: № 14-15) и статуя заключенного «на белом цоколе [...], сработана из того же белого, мягкого [...] камня» (Кертес 2004: № 18). Но читая эти строки, мы в тоже время сочувствуем герою Кертеса, ведь зрительное восприятие юными глазами Дёрдя Кёвеша реальной среды, в которую он попал, затмевается обманным магическим светом, как и феноменальный цвет неба над Аушвицем, где свет «бенгальских огней» и «фейерверков» – это не праздничные салюты, потому что в них воплощён уничтожающий и ужасающий обратный эффект лучей света - это язык «пламени и искр» крематориев (Кертес 2004: № 18).

Однако магические силы, воплощенные в белом цвете, не всегда оказывают утешительное влияние на душевное состояние героев Гроссмана и Кертеса. В романе «Жизнь и судьба» летний день для Анны Семеновны Штрум превращается в декабрьский холод, и она видит дорогу в гетто «белой от узлов и подушек». Анна Семеновна по дороге в лагерь смерти среди белого света дня видит «[...] две толпы, евреи в пальто, шапках, а вторая толпа на тротуаре одета полетнему. Мне показалось, что для евреев, идущих по улице, уже и солнце отказалось светить, они идут среди декабрьской ночной стужи» (Гроссман 1990: 43). Белый свет этого дня превращается в «черный – символ небытия, хаоса» (Белый 1994: 201). Для Анны Семеновны «пришел черный день, чернее не бывает» (Гроссман 1990: 43). Яркий свет лета, затмевается темным, печальным цветом и в романе «Обездоленность», где внешний облик заключенных, которые «[...] со своими головами, спрятавшимися в шею, с торчащими из лица носами, с поднятыми плечами, на которых болтается нечистая одежда [...], даже в самые жаркие летние дни напоминают вечно мерзнущих зимних ворон» (Кертес 2004: № 18).

Как совершенно особая действующая сила, под влиянием которого герои испытывают счастье и боль, живет в романе «Жизнь и судьба» свет ночи (Кузичева 1989: 5). Свойство вечернего света тонко чувствует и четко определяет автор романа «Жизнь и судьба»: «Вечерний свет обладает свойством раскрывать существо происходящего, превращать зрительное впечатление в картину – в историю, в чувство, в судьбу» (Гроссман 1990: 390). Ночной свет оживляет чувственный мир и у героев романа «Обездоленность». Свет ночи дарит не только ужас войны, но и непредсказуемое восхищение, и «радостное изумление» юным героям «Обездоленности» Дёрдю Кёвешу и Аннамарии, даже во время воздушного налета: «Это случилось [...] в пятницу ночью [...], мы услышали бомбу ближе прежнего, тут она начала дрожать всем телом. Я прекрасно это почувствовал, потому что она уцепилась за меня в ужасе: ее руки обвилились вокруг моей шеи, лицо уткнулось мне в плечо. После этого я уже помню только, как искал ее губы. Я ощутил мягкое, влажное, чуть липкое прикосновение. Ну и какое-то радостное изумление, ведь все-таки то был мой первый поцелуй с девушкой; и вдобавок как раз тогда, когда я на него и не рассчитывал» (Кертес 2003: № 14-15). В романе «Обездоленность» ужасающий темный свет ночи во время бомбардировки превратился в интимный свет, создав душевную атмосферу для неожиданного наслаждения сладкой нежностью первого женского поцелуя. Своеобразный «интимный свет» иногда таится и в ночном полумраке барачных мучительной лагерной жизни, где Дёрдь Кёвеш слышит шепот собратьев по лагерю смерти, не только о прошлом, о будущем, о воле, но и, например, воспоминания его товарища, Банди Цитрома об огнях улицы Незабудок, о «пештских девочках» и о «известных интимных вещах, обсуждаемых между мужчинами». В романе «Жизнь и судьба» свет огня от взрыва боевых ракет освещает на короткое мгновение лицо и шею грязной, завшивевшей радистки Кати, превращая ее таким образом в желанную женщину для Сергея Шапошникова: «Грязная, завшивевшая радистка сидела тихо, ее шея светилась в темноте. Он старался разглядеть ее во тьме, и исполняя его желание, огонь взрыва осветил ее лицо. Вспыхнул свет ракеты, и

они сблизили головы. Он обнял ее [...]. И тотчас снова стало темно, особенно как-то темно [...]» (Гроссман 1990: 220). Роль лучей света в этот момент можно назвать загадкой стилистики, «когда в суховатой [...] ткани письма вдруг возникает краска, которая поначалу действительно кажется краской, а потом ощущаешь, что это блик из совершенно другой реальности» (Аннинский 1988: 262). Возможно, из той реальности, в которой красочные цвета женственности не были испачканы жестокими условиями войны. В эту Сталинградскую ночь переливание красок темных и ярких лучей света от взрывов смертоносных ракет образовало небольшой солнечный блик, который, возвышая, осветил и украсил женскую плоть, превратив внешний облик Кати в символ чистоты и таинственной нежности. Цвет краски, исходивший от света лучей, озаривших Катю, образует в воображении героя стимулирующий фермент, который оживляет самые прекрасные чувства и вызывает ощущение взаимной душевной чистоты. Этот «цвет выражает внутреннее состояние художника» и его героев. (Гроссман 1990: 400).

Свет, звуки, время суток оказываются в исследуемом романе Гроссмана выразительнейшими признаками душевного состояния героев, а также автора (Кузичева 1989: 5). Это суждение свойственно и роману И. Кертеса. В «Жизни и судьбе», в зависимости от авторских намерений, касающихся воплощения в образе света душевных порывов персонажей, мы можем встретиться со следующими определениями света. В романе Гроссмана несущимся в атаку танкам свойствен «кинжальный свет»: «Огромная масса машин мчалась из степной тьмы, оглушая ревом, [...], слепя кинжальным светом, парализуя румынскую оборону» (Гроссман 1990: 346). Или же, как чувствует Крымов «серый, каменный свет», который падает в окна «серого лубянского ущелья». Он «шел не от солнца, не с неба, свет шел от серого кирпича внутренней тюрьмы» (Гроссман 1990: 420). Здесь же по ночам бил «бешеный электрический свет» (Гроссман 1990: 330). А по восприятию заключенных, лагерные бараки освещал «безжалостный», «каторжный» свет. Гроссман называет свет «милым», «спокойным», «тихим», «слепящим», «желанным».

Не доминирует яркий свет и в художественном пространстве романа Кертеса. Герои «Обездоленности», как и в «Жизни и судьбе», живут в «тусклом», «вечернем» свете. Живет в произведениях писателей и совершенно своеобразный источник света, лучи которого освещают дорогу к мудрому знанию, черпаемому читателем от учителей на закате жизни. Они через свою поучительную жизненную философию передают нам энергию и «тепло, необходимое для дальнейшего пути». Этот свет называется «светом мудрости» (Кузичева 1989: 5). Он обычно исходит от людей, которые прожили долгую жизнь. В романе «Жизнь и судьба» «многое увидено, высказано, обдумано старыми людьми [...]» (Кузичева 1989: 5). Долговечными останутся в воображении читателей романа Гроссмана мудрые слова и поступки матери Штрума, а также старой Христи Чуняк, спасшей жизнь пленного Семенова. А в романе Кертеса слова дяди Лайоша учат нас терпеливой смиренности с судьбой и покорности перед Всемогушим. Но следует отметить, что в романах «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» свет мудрости излучается не только героями старшего поколения, которые подошли к естественному краю своей долгой жизни, но и теми, чьи молодые жизни и судьбы определялись жестокими обстоятельствами концентрационных лагерей и неведомыми маленькими шагами, ведущими к краям порогов газовых камер. Молодые герои, проделавшие эти шаги, становились мудрыми не на основании опыта, приобретенного вследствие большого количества прожитых лет, а в результате осознания безвыходного тупика в своей доле и смысла постепенно угасающего света жизни перед лицом смерти. Дёрдь Кёвеш в романе «Обездоленность», разговаривая о счастье лагерной жизни, даже сопротивляется мудрым взглядам старших людей, которые не прошли, как он, «шаг за шагом» концентрационные лагеря Аушвица и Бухенвальда. Мудрые толкования Дёрдя Кёвеша о времени, проведенном в лагере смерти, помогут читателю понять истинное значение тепла души и счастья, особенно ценимых и Кертесом. Для Дёрдя Кёвеша «в известном смысле жизнь там была чище и проще. Ведь еще там, даже рядом с дымовыми трубами, было в перерывах между муками что-то, походившее на

счастье. Все спрашивают только про тяготы, про “ужасы”: а между тем, что до меня, может быть, это переживание остается самым памятным. Да, о нем, о счастье концентрационных лагерей надо было бы им рассказать в следующий раз, когда спросят. Если вообще спросят [...]» (Кертес 2004: № 18). Примерным уроком взрослой мудрости может стать для читателя и размышление Дёрдя Кёвеша в романе «Обездоленность» о чистоте прожитой жизни в зачерненной среде войны, о том, что «мы никогда не можем начать новую жизнь, всегда только продолжаем старую. Шаг за шагом делал я, и никто другой, и, я объявил, в заданной мне доле я всегда хранил порядочность. Единственное пятно, я бы сказал, ошибка в общей картине, единственная случайность, которую, возможно, они могли бы поставить мне в укор, – это что мы теперь здесь беседуем, но уж тут я ничего не могу поделаться» (Кертес 2004: №18). Читатель запомнит и настойчивые слова молодого Банди Цитрома, что главное в жизни – «[...] это не распускаться: как-нибудь всегда будет, потому что еще никогда не бывало по-иному, чтобы вообще никак не было – [...], а его этой премудрости научили еще рабочие батальоны» (Кертес 2004: №18). А в романе «Жизнь и судьба» мы не забудем уроки Гроссмана о сути дружбы (Гроссман 1990: 189), описание крестного пути военного врача Софы Левинтон (Гроссман 1990: 290-295), размышления еврея-физика Штрума при заполнении «царь-анкеты, анкеты анкет» (Гроссман 1990: 307). Эти поучительные уроки писателей и их героев освещают горестные моменты в истории XX века вечным, неугасимым светом памяти.

Особенную роль в «Жизни и судьбе», как и в «Обездоленности», отведено силе звуков. С помощью звуков герои Гроссмана настойчиво ищут признаки жизни (Кузичева 1989: 5). Следует обратить внимание на жизненно необходимую роль звуков и в романе Кертеса. Звук, исходящий от звона котлов, превратился в источник наслаждения и оказался даже «уютным» для Дёрдя Кёвеша и его лагерных соотечественников. Из этого магического голоса «колокольного звона», исходившего из «позвякивания» котлов, излучалась энергия, которая всех приводила «в движение», всех подстрекала «действо-

вать быстро» (Кертес 2004: № 18). А звучание нескольких фраз, услышанных Дёрдем в лагере на родном языке, помогают испытать им «на собственном опыте [...], что значит [...] неожиданная радость – домашний вкус венгерского слова за границей» (Кертес 2003: № 14-15). Но живет в романе «Обездоленность» и особенный, ужасающий звук. Например, это звук пощечины, вес которого «загорелся» на левой щеке героя Кертеса, как это случается и в романе «Жизнь и судьба», где удар «комиссара» Крымова «[...] по лицу означал духовную катастрофу и не мог ничего вызвать, кроме оцепенения, остоленения» (Гроссман 1990: 327). В романе «Жизнь и судьба» даже и тишина «грохочет по-своему» в перерывах между боями, вызывая головокружение: «Странно, невысказанно было есть кашу в тишине, в тишине писать письмо, проснуться ночью в тишине [...]. Тишина породила множество звуков, казавшихся новыми и странными: позвякивание ножа, шорох книжной страницы, [...], скрип пера, [...], тиканье ходиков на стене блиндажа (Гроссман 1990: 351).

Живет в романе Гроссмана еще одна сила, это «мощь страдающей души, тоски и печали» (Кузичева 1989: 5). Вспомним ночью «приступ тоски» у зека Абарчука в романе Гроссмана: «[...] Не той привычной и угрюмой лагерной тоски, а обжигающей, как малярия, заставляющей вскрикивать, срывать с нар, ударять себя по вискам, по черепу кулаками» (Гроссман 1990: 89). А как указывает А. Кузичева, в момент отлучения физика Штрума от работы, науки и, может быть, даже жизни, тоска героя превращается в страх. Страх становится ужасом, существо которого особенно проявляется перед государственным гневом. Он обессиливает человека, изматывает и постепенно съедает душу, превращает человека в раба (Кузичева 1989: 5). И Штруму только уже «узенькая полоска света» из окна невысокого дома да вечерний снег в темном переулке приносят чувство счастья и радости: «Снег, ночное небо, свежий морозный воздух, шум шагов, деревья с темными ветвями, узенькая полоска света, пробившаяся сквозь маскировочную штору в окне одноэтажного деревянного домика, – все было так прекрасно. А в глубине его отчая-

ния существовало светлое пятнышко, – ощущение чистоты души» (Гроссман 1990: 405).

В размышлениях о жизни в условиях войны Гроссман и Кертес говорят о «печали души» человека. В романе «Жизнь и судьба» даже «боевое “ура”, пройдя над холодной ночной водой под звездами осеннего неба, словно теряло горячность страсти, менялось, и в нем вдруг открывалось совсем другое существо, – не задор, не лихость, а печаль души, словно прощающейся со всем дорогим, словно зовущей близких своих проснуться, поднять голову от подушки, послушать в последний раз голос отца, мужа, сына, брата [...]» (Гроссман 1990: 27). Чувство ужасающего покоя накапливается и в печальной душе Дёрдя Кёвеша, когда он заявляет читателю, «что после стольких усилий, столь многих напрасных попыток и стараний, со временем, [...]» он «тоже обрел мир, покой, облегчение. Известные вещи, к примеру, которым я до того приписывал какое-то огромное, уму непостижимое значение, потеряли – могу сказать – в моих глазах всю свою важность. Так, на поверке, к примеру, когда я уставал стоять, то, не глядя, грязь там или лужа, просто садился и так и сидел, пока соседи не поднимут меня силой. Холод, сырость, ветер или дождь больше не могли меня беспокоить: они до меня не доходили, я их и не чувствовал. И даже голод прошел; я по-прежнему тащил в рот все, что только находил, все съедобное, но скорее рассеянно, машинально, по привычке, так сказать. На работе? – уже и видимости не соблюдал. Если им не нравилось, они били, это самое большое, но и побоями не могли причинить настоящего вреда, все равно я только выигрывал время: с первым же ударом я немедленно валился на землю и остальных уже после не чувствовал, потому что тем временем засыпал» (Кертес 2004: № 18).

Особое влияние на жизнь героев романа Гроссмана и Кертеса оказывает сила времени. Восприятие и ощущение протяженности времени оказывается более поразительным во время войны, это ощущение времени теряется. Гроссмана в романе «Жизнь и судьба» глубоко задевает многообразие личностного времени (Касавин 1990: 167). В романе «Жизнь и судьба» время, проведенное заключенным

в тюрьме, остается в его памяти как «одновременное ощущение краткости и бесконечности» (Гроссман 1990: 23). Гроссман констатирует: «Девочка, протанцевавшая на новогоднем балу до утра, не сможет ответить, каково было ее ощущение времени на балу [...]. У девочки ночь была полна мимолетных событий – взглядов, отрывков музыки, улыбок, прикосновений, – каждое это событие казалось столь стремительным, что не оставляло в сознании протяженности во времени. Но сумма этих коротких событий породила ощущение большого времени, вместившего всю радость человеческой жизни» (Гроссман 1990: 23). А под смертельными огнями боя «даже секунды растягиваются, а часы сплющиваются. Ощущение длительности связывается с молниеносными событиями – свистом снарядов и авиабомб, вспышками выстрелов и вспышками взрывов» (Гроссман 1990: 24). По мнению И. Касавина, человеку под силу воскресить время и расцветить его невиданными красками, когда он лишен возможности иначе актуализировать многообразие своей личности (Касавин 1990: 167). Дёрдь Кёвеш тоже пытается оживить во временном пространстве и окрасить в своем сознании бывший облик Банди Цитрома и «сравнить с первым его появлением, еще тогда, справа от меня в ряду, или в первый раз на работе, с поразительными движениями мышц и связок, вроде бы как анатомическая таблица с буграми и вмятинами, упруго опадающими или твердо напрягающимися, и тут уж, конечно, появлялись неизбежно кое-какие недоверия» (Кертес 2004: № 18). Герой «Обездоленности» замечает жестокое влияние постепенно деградирующей силы времени, которое невозможно остановить. Этот временный процесс в условиях лагерной жизни, уносит с его поля зрения и членов семьи Кольман. И только тогда Дёрдь Кёвеш понял, что «время может иной раз обмануть наш глаз, по всей видимости». Временную протяженность каждого дня, проведенного в лагере, юный герой Кертеса может сравнить только с «глупой сказкой своего детства», в которой семь дней для короля означали семь лет. Дёрдь Кёвеш не мог поверить, что за три месяца лагерной жизни из него получится «чахлый старик». Вот как он рассуждает: «Дома для этого нужно время, лет пятьдесят-шестьдесят по

меньшей мере: здесь и трех месяцев было довольно, чтобы мое тело мне изменило. Могу заявить: нет ничего более мучительного, ничего более угнетающего, чем день за днем следить, день за днем учитывать, сколько в нас разрушилось еще» (Кертес 2004: № 18). Он вспоминает, что был на воле молодым парнем с загоревшей, гладкой и натянутой мускулами кожей, «теперь эта же самая кожа висела складками, была желтая и жухлая, всевозможные прыщи, нарывы, язвы, коричневые кружки, трещины, какая-то чешуя покрывали ее, и все это противно зудело, особенно между пальцами» (Кертес 2004: № 18). Но время не только уничтожает человеческие жизни и судьбы, а порой и лечит яркими цветами или серыми оттенками воспоминаний о прошлом. Ведь, цитируя Гроссмана, даже под огнем фронтовых времен, «сами собой вылечивались язвы и радикулиты» (Гроссман 1990: 134). И в воспоминаниях Дёрдя Кёвеша навсегда останется памятный свет огней и «счастье концентрационных лагерей», если он их только «не забудет».

Звуки голоса романов «Жизнь и судьба» и «Обездоленность» бессмертны, в них живет негаснущая яркая искра жизни и энергии, черпаемая читателем XXI века.

Литература

1. Аннинский 1988: Аннинский Л., Мироздание В. Гроссмана. // Дружба Народов, №10, 253-263.
2. Белый 1994: Белый А., Священные цвета. // Символизм как миропонимание, Издательство «Республика», Москва, 1994, 201-209.
3. Белый 1910: Белый А. Магия словъ. // Символизм. Москва, 1910, 429-448.
4. Гроссман 1990: Гроссман В., Жизнь и судьба. Роман. Таллинн.
5. Дедков 1988: Дедков И., Жизнь против судьбы. // Новый мир, №11, 229-241.
6. Касавин 1990: Касавин И., Свидание с многообразием. // Звезда, №9, 166-174.

7. Кертес 2003: Кертес И., Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // Иерусалимский журнал, №14-15. In: www.antho.net/jr/14-15.2003/11.php
8. Кертес 2004: Кертес И., Обездоленность. Роман. Перевели с венгерского Шимон Маркиш и Жужа Хетени. // Иерусалимский журнал, №18. In: www.antho.net/jr/18.2004/01.php
9. Кузичева 1989: Кузичева А., Вечерний свет «Жизни исудьбы». // Книжное обозрение, №2, 5.
10. Постоутенко 1996: Постоутенко К., Священные цвета Андрея Белого. // Die Welt Der Slaven, №XLI, 1, 153-166.

Rezümé

A tanulmány a fények, színek és hangok „mágikus erejének” és azok művészeti valóságának interpretálásával foglalkozik Vaszilij Grosszman „Élet és sors”, valamint Kertész Imre „Sorstalanság” c. regényében. Mindkét regény nagy ismertségre tett szert az olvasók körében, a kutatók is sokat foglalkoztak velük, főképpen az életről, a háborúról és a békéről szóló mély filozofikus eszméik miatt. Jelen munka a fények, hangok és a színek jelentését és az írók által megtestesített képekre gyakorolt hatását vizsgálja Grosszman és Kertész műveiben, elemzi és összehasonlítja a fehér és a sötét fények hatását a regényhősök érzelmi világára, meghatározza a bölcsesség fényét és kitér az ételkondérok zajára Kertész Imre „Sorstalanság” c. regényében, amely hangjátékként cseng a koncentrációs táborban szenvedő foglyok fülében és életre kelti őket.

Obsah – Tartalomjegyzék

Predslov – Előszó	5
Komunikácia – Kommunikáció	
<i>Aczél Petra</i> : A meggyőzés, mint a kommunikáció működési elve: fogalmak, elméletek és hatások	13
<i>Simigné Fenyő Sarolta</i> : Az információ és a metainformáció váltakozása a nyelvi közlésben	26
<i>Vágási Margit</i> : Kis nyelvek az Európai Unióban	35
<i>Simig László</i> : A PR mint totális kommunikáció	41
<i>Szerecz György</i> : Beszédpótcselekvés	47
<i>Andok Mónika</i> : Beágyazódások a hírszövegekben, a média mint önmaga kontextusa	56
<i>Sz. Hegedűs Rita</i> : Gondolatfoslányok a PC, a megbélyegzés és a pszeudofaj kapcsolatáról	69
<i>Simig Ákos</i> : Politikai kommunikáció az interneten	76
<i>Zsolnai Józsefné Mátyási Mária</i> : A magyartanárképzés kritikus pontjai és megoldásra váró feladatai az európai integráció folyamatában	86
<i>Horváthné Berlák Irén</i> : Nyelvtanulás Besztercebányán	95
Jazykoveda – nyelvtudomány	
<i>Czeglédi Csaba</i> : Konstruktív nyelvtudomány	101
<i>H. Varga Gyula</i> : Szövegtípus – szövegfajta – műfaj a médiában	111
<i>Dobos Csilla</i> : A magyar jogi szaknyelv vizsgálatának lehetséges szempontjai	118
<i>Zimányi Árpád</i> : Az igenevek időviszonyításáról	128
<i>Kovács Éva</i> : A <i>ki</i> igekötő jelentésszerkezete: kognitív szemantikai elemzés	137
<i>Bodnár Ildikó</i> : A magyar igék hétpillérű rendszere	145
<i>Mária Alabánová</i> : Slovná zásoba v procese osvojovania si druhého jazyka	153
<i>Bárányné Komári Erzsébet</i> : A magyar–kárpataljai ukrán (ruszin) nyelvi kapcsolatok kutatástörténete (a XIX. század 30-as éveitől)	

a XX. század 50-es éveikig) és a lexikális nyelvi interferencia eredményei	165
Literárna veda – Irodalomtudomány	
<i>Alabán Ferenc</i> : Az identitás és esztétikum kontextusában	177
<i>Ardamica Zorán</i> : A komparáció komplikáció(i), avagy a konszolidáció(k) nemzedéke(i)	188
<i>Urbán Anna</i> : Kulturális identitás és nemzeti szimbólumok magyarországi és határon túli magyarok körében	200
<i>Németh Zoltán</i> : Liberális szövegpolitika Parti Nagy Lajos műveiben	208
<i>Tomesz Tímea</i> : <i>Bibliai</i> utalások Dsida Jenő költészetében	216
<i>Zsilák Mária</i> : Vörösmarty Mihály <i>Szép Ilonka</i> című költeményének szláv vonatkozásai	226
<i>Bárány Béla</i> : Интерпретация художественной реальности «магических сил» света, звука и цвета в романе В. Гроссмана «Жизнь и судьба» и И. Кертеса «Обездоленность»	238
Preklad – Fordítás	
<i>Zoltán András</i> : Az ófehérorosz Trisztán-legenda magyar vonatkozásai ..	253
<i>Lőrincz Julianna</i> : A forrásnyelvi szöveg szemantikai és pragmatikai szintjének módosulásai a műfordítási folyamatban	259
<i>Csikány Andrea</i> : A kódváltás és a mentális lexikon	267
<i>Demján Adalbert</i> : Az igekötők időviszonyító szerepe a Tékozló fiú példázatának korai fordításáiban	277
<i>Anita Hut'ková</i> : Az Európai Unió és a szlovák nyelv	281
<i>Koljadzsín Natália</i> : Dóhovic Bazil magyar nyelvű hagyatékának fordításáról	287
<i>Barta Anna</i> : Muszorgszkij: Borisz Godunov c. operájának magyarországi recepciója	296
<i>Vámos Lászlóné</i> : Illem – etikett – protokoll	305
Autori štúdií – A tanulmányok szerzői	315

Názov: **Kontext—Kultúra—Filológia**
Cím: **Kontextus—Kultúra—Filológia**
Zostavili: Prof. PhDr. František Alabán, CSc.
Össeállították: Dr. Zimányi Árpád, kandidátus, főiskolai tanár
Redaktor/Szerkesztő: Dr. Stefan Pongó
Rozsah/Terjedelem: 320 strán/oldal
Náklad/Példányszám: 130 ks/darab
Formát/Formátum: A5
Tlač/Nyomda: Diamond Digitális Nyomda, Eger

ISBN-10: 963-9417-60-2

ISBN-13: 978-963-9417-60-1